

всецело находилась под контролем Англии. О ходе переговоров по русско-американскому проекту трансконтинентального телеграфа см. подробнее: Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1868 гг. М., 1990. С. 143–166; Постников А. В. Указ. соч. С. 11–12.

25. О конкурентной борьбе по строительству телеграфной линии на Дальнем Востоке см.: Якобсен К. Большое северное телеграфное общество в России // Отечественная история. 2000. № 4. С. 45.

26. См.: Шарле Д. Л. Хет-трик в матче с Атлантикой. Люди и события в истории электротехники. Вып. 2. С. 74; Шедлинг М. Указ. соч. С. 622.

27. См.: Шедлинг М. Указ. соч. С. 631.

28. См.: Сибирский телеграф. Ист. - стат. очерк. С. 13.

29. См.: Шедлинг М. Указ. соч. С. 621; Статистика телеграфов Российской империи за 1871 г. СПб., 1873. С. 21, 23. Статистика телеграфов Российской империи за 1873 г. СПб., 1875. С. 28. Статистика телеграфов Российской империи за 1896 г. СПб., 1897. С. 29–30.

30. Цит. по: Якобсен К. Указ. соч. С. 45.

Александр Станиславович КАРМАЗИН —
заместитель главы администрации
г. Ханты-Мансийска

УДК 947+957](470.5):316.3

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА УРАЛЕ В КОНЦЕ 1920-х–1930-е гг. (В ОЦЕНКАХ ИСТОРИКОВ)

АННОТАЦИЯ. Анализируется отечественная историография использования принудительного труда в промышленности Урала в годы первых пятилеток. Автор доказывает, что изучение данной проблемы началось еще в советский период, когда к использованию принудительного труда относились как к неизбежности при перевоспитании бывших эксплуататорских и нетрудовых элементов общества. Современные исследователи рассматривают ее в качестве закономерного результата социальной политики советского государства, направленной на обеспечение новостроек первых пятилеток большим количеством бесплатной рабочей силы.

The author analyzing historiographical works by Russian, Soviet and foreign authors tackles several issues connected with force labour practices implemented by the Soviet State to build up industry of the Urals during the period of the first five-year –plans. In his article he confronts two points of view typical for present discussions: the treatment of forced labour as an «inevitable evil» aimed at the improvement of «bourgeois elements» and the treatment of forced labour as a consequence of the economic development of Soviet state – the demand for cheap labour necessary to build up national economy in the shortest possible period.

Проблема использования принудительного труда в народном хозяйстве СССР впервые была поставлена в западной историографии еще в 1930–1940-е гг. Тогда же отмечалось, что в годы первой пятилетки огромные массы сельского населения перемещались в город и использовались на строительстве сотен новостроек не совсем добровольно. Советские историки подчеркивали, что вопрос о применении принудительного труда в СССР был использован западной пропагандой в условиях мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. для того, чтобы обвинить СССР в том, «что он будто бы выбрасывает на международный рынок товары по ценам ниже себестоимости, проводит политику демпинга, чтобы дезорганизовать хозяйство капиталистических стран» [1].

По данным В. М. Кириллова, «в ноябре 1947 г. Американская Федерация труда публично обвинила СССР в использовании принудительного труда. Международная конфедерация свободных профсоюзов с 1949 г. начала расследование этого факта. Позднее к ней подключается ООН». В результате этого на Западе был подготовлен ряд трудов по использованию принудительного труда в СССР [2].

Сами советские историки стали исследовать данную проблему лишь после XX съезда КПСС, однако, полномасштабно она начала изучаться лишь в современной историографии. Историографическому анализу литературы по проблеме использования принудительного труда в экономике Урала посвящено пока немного работ [3]. Между тем, без изучения данной проблемы трудно понять особенности социальной политики Советского государства в годы первых пятилеток.

Автор данной статьи ставит перед собой цель проанализировать исследования, посвященные изучению использования принудительного труда в экономике Урала, подвести определенные итоги изучения данной проблемы и выделить дискуссионные и слабо решенные вопросы.

Об использовании принудительного труда на Урале стали писать еще советские историки, которые изучали источники пополнения рядов рабочего класса на рубеже 1920–1930-х гг. При этом следует отметить, что советские исследователи должны были высказываться по данному вопросу завуалированно, ибо официальная пропаганда заявляла: «Принудительный труд — общественная форма труда в антагонистических формациях, при которой работники вынуждены безвозмездно отдавать свой прибавочный труд эксплуататорским классам» [4].

По нашим наблюдениям, одним из первых уральских историков обратился к изучению этого вопроса В. В. Адамов, которого во второй половине 1950-х гг. интересовали проблемы формирования социалистического рабочего класса. Это было в эпоху «хрущевской оттепели», когда историкам удавалось выходить на рассмотрение вопросов, не очень одобряемых официальной идеологией.

В. В. Адамов в соответствии с официальной концепцией истории советского рабочего класса писал о том, что «переходный период от России нэповской к России социалистической, ограниченный концом 20-х и второй половины 30-х гг., представляет собой время глубочайших изменений в производительных силах, экономической и социальной структуры советского общества. За эти годы была осуществлена техническая реконструкция народного хозяйства, ликвидирована свойственная старой России и периоду нэпа многоукладность экономики и сложилось новое классовое деление советского общества».

По мнению историка, наибольшие сдвиги в 1920–1930-е гг. произошли в социальной структуре советского общества. Он отмечал: «В переходную эпоху изменилось не только классовое деление советского общества, но произошли важнейшие сдвиги в положении, составе и уровне развития тех классов, какие еще оставались в нашей стране». При этом В. В. Адамов обращал внимание на то, что «особенно глубокими и исторически важными были перемены в рабочем классе. Именно за эти годы завершился процесс формирования рабочего класса как класса социалистического общества и раскрылись его могучие творческие возможности в строительстве новых форм жизни» [5].

Отдав дань официальной концепции формирования социалистического рабочего класса в СССР, В. В. Адамов в то же время большое внимание уделил особенностям развития уральских рабочих в 1920–1930-е гг. Изучая источники пополнения рабочего класса Урала в период индустриализации, историк отмечал такие общие для всей страны процессы, как приток на уральские промышленные предприятия огромной массы крестьянства, выходцев из кустарей, служащих и бывших эксплуататорских классов. При этом он писал, что «кустари, служащие и

другие слои населения сыграли на Урале в формировании новых кадров рабочих в начале 30-х гг. еще меньшую роль, чем в стране в целом». Этот факт В. В. Адамов объяснял «следствием прежней социально-экономической отсталости Урала, результатом которой было слабое развитие «среднего слоя», к которому как раз и принадлежали кустари, служащие и т. п. Приток этих категорий из других районов был невелик и не мог разрушить сложившихся пропорций».

В то же время В. В. Адамов отмечал: «Иное положение заняли в процессе формирования рабочего класса Урала выходцы из нетрудовых слоев. Как известно, сюда стихийно стекались и организованно перемещались остатки эксплуататорских классов, разбитых в центре. Значительная часть этих элементов постепенно вливалась в состав рабочих. К середине 30-х гг. из них образовалась в рабочей среде прослойка, размеры которой определялись профсоюзной статистикой для разных производств в 3,7–6,7%». Необходимость следования официальной концепции заставило автора сделать вывод о том, что эти данные опровергают мнение западной историографии о значительных масштабах использования принудительного труда в народном хозяйстве СССР [6].

Тема, затронутая В. В. Адамовым, получила дальнейшую разработку в работах его ученицы Н. М. Щербаковой, ставшей одним из наиболее авторитетных уральских исследователей истории советского рабочего класса конца 1920–1930-х гг. Она обратила внимание на изменение политики государства на рубеже 1920–1930-х гг. в области пополнения рядов рабочего класса Урала. По ее словам, «до конца 20-х гг. промышленность удовлетворялась стихийным притоком рабочей силы. Но с расширением промышленного строительства в одних местах скапливался излишек рабочей силы, в других — ощущался ее острый дефицит. Не связанные какими-либо сроками найма, крестьяне, уходившие в промышленность, были привержены очень большой текучести. Чтобы обеспечить промышленность более стабильными кадрами и в достаточном количестве, государство приняло ряд мер» [7].

Н. М. Щербакова подсчитала, что к концу первой пятилетки количество переселенцев в Уральской области превысило 550 тыс. человек, из которых 155 618 человек влились в состав рабочего класса и использовались на строительстве Магнитки, Синарского и других уральских заводов [8].

Другой крупный уральский исследователь советского рабочего класса А. В. Бакунин подчеркивал, что «начиная с середины первой пятилетки, а также в годы второй пятилетки рабочий класс Урала пополнился бывшими капиталистическими элементами. Наибольшее число их было в горнорудной, угледобывающей, лесной отраслях промышленности и в строительстве». В соответствии с официальной концепцией автор негативно оценивал наличие подобного контингента в составе рабочего класса Урала и писал, что эти элементы «несли с собой буржуазное влияние на рабочий класс, а нередко и затаенную злобу к успехам социалистического строительства» [9]. По подсчетам А. В. Бакунина, в 1935 г. среди рабочих Свердловской области выходцев из бывших эксплуататорских классов было около 17%, в том числе на строительстве 13,7%, в машиностроении и металлообработке — 3,2%. Автор писал: «При подсчете удельного веса в состав рабочих — выходцев из капиталистических классов, вошли также лица, осужденные Советской властью за различные преступления. Большинство из них являлись выходцами из бывших эксплуататорских классов» [10].

Таким образом, в советской историографии проблемы использования принудительного труда имелось существенное противоречие. С одной стороны, авторы констатировали, что к концу 1930-х гг. на Урале сформировался социалистический рабочий класс, полностью освободившийся от пережитков дореволюционного периода, а с другой стороны — они писали о существенных особенностях его социального облика по сравнению с рабочими других регионов страны, что означало незавершенность процесса формирования уральских рабочих в класс нового социалисти-

ческого общества. Это противоречие известный уральский историограф рабочего класса В. Д. Камынин объяснял следующим образом: «Все процессы изменения численности и состава уральских рабочих подтягивались к выводу о завершении формирования социалистического рабочего класса к середине 30-х гг.». Поэтому автор считал, что «заданность исследования, подтягивание выводов под заранее известную концепцию лишают этот материал достоверности и убедительности» [11].

Автор данной статьи считает, что справедливое указание В. Д. Камынина на наличие противоречия в трудах советских историков рабочего класса следует дополнить указанием на то, что именно в советской историографии началось изучение использования принудительного труда в промышленности Урала. Активно это направление исследований развивалось уже в перестроечное время и стало магистральным в постсоветской историографии истории рабочего класса. Более точно оценивает советскую историографию в изучении данного вопроса Л. Н. Бехтерева, которая пишет: «Особый интерес представляют работы ученых, обратившихся к структурному подходу в исследовании социального состава, анализу психологии класса и его новых пополнений» [12].

В конце 1980-х–начале 1990-х гг. проблема социальной структуры уральских рабочих продолжала изучаться [13]. К пополнению состава рабочего класса Урала «социально-чуждыми» элементами в годы первой пятилетки привлекли внимание В. И. Бакулин, Л. О. Лейбович, С. П. Постников и др. исследователи [14]. Уже в годы перестройки заметно изменилось отношение исследователей к проблеме использования принудительного труда. На ее теоретическое осмысление серьезное влияние оказали работы В. Н. Земского, имеющие общесоюзный характер [15], а также труды западных исследователей, которые стали издаваться в СССР на рубеже 1980–1990-х гг. [16].

Уральские исследователи попытались найти ответ на поставленный в годы перестройки вопрос о социальных основах сталинизма. По нему тогда велась очень острая дискуссия. Ряд публицистов относил к социальным основам сталинизма «новый» рабочий класс, пополнившийся в годы индустриализации большим количеством выходцев из деревни и представителями бывших эксплуататорских классов [17]. Такая точка зрения высказывалась и историками. В. З. Дробижев признавал, что «складывание культа личности, несомненно, больше связано с социальными предпосылками» [18]. По словам В. С. Лельчука, «те слои рабочего класса, которые росли и ширились за счет выходцев из деревни, не очень-то и нуждались в демократии. Они, скорее, нуждались в известной доле принуждения, дисциплинированности, подчинения как мелкобуржуазная стихия, связанная с деревней» [19]. Л. А. Гордон также обратил внимание на «связь между ослаблением внутрипартийной демократии, утверждением авторитарных методов правления, с одной стороны, и тем стремительным внешним пополнением рабочего класса в 30-е гг., с другой» [20].

Более либерально настроенные публицисты считали, что «не они, выходцы из деревни, а выходцы из города, революционный пролетариат и социалистическая интеллигенция, явились инициаторами наших «великих» скачков» [21].

Уральские исследователи в годы перестройки были склонны поддерживать мнение большинства ведущих советских историков и обращали внимание на негативное воздействие новых пополнений, которые привели к «разрабочиванию» рабочего класса. С. П. Постников писал: «Основным источником пополнения рядов рабочего класса в годы первой пятилетки было крестьянство. Только за 1927–1930 гг. из уральских деревень на постоянное место жительства в города и рабочие поселки прибыло свыше 140 тыс. человек. За 1931–1932 гг. предприятия, рудники, стройки Уральской области получили из села еще 471,9 тыс. работников. В годы второй пятилетки доля крестьян в пополнении рядов рабочего класса начинает сокращать-

ся». Автор отмечал, что «среди крестьян, пополнивших ряды рабочего класса, значительную часть составляли так называемые спецпереселенцы («раскулаченные» крестьяне, насильно перемещенные в восточные районы страны, в том числе и на Урал). Их принудительный труд сравнительно широко применялся в хозяйствах Урала» [22]. Изучению этого вопроса автор посвятил специальную статью [23].

Историографы рабочего класса Урала дают разные оценки вкладу перестроечной литературы в изучение социальной структуры рабочего класса. По замечанию Л. Н. Бехтеревой, «начавшийся во второй половине 1980-х гг. процесс смены системы ценностей в обществе ликвидировал методологический монополизм в науке и привел к плюрализации принципов исследования. Отказ от партийности и классового подхода ослабил интерес к изучению социальной структуры общества. Нередко приоритетное направление историографии оказалось «на обочине» [24].

Столь категоричное утверждение Л. Н. Бехтеревой не учитывает реального состояния уральской исторической науки в годы перестройки. В период вскрытия «белых пятен» в отечественной истории проблема социального состава рабочего класса была отнесена к разряду подобных проблем. С. П. Постников утверждал, что «историкам предстоит проделать большую работу по изучению и объективной оценке этого «белого пятна» нашей истории» [25]. В. Д. Камынин писал: «В период перестройки исторической науки появились некоторые исследования, которые на уральском материале пытаются отразить новые подходы к характеристике принципиальных вопросов истории рабочего класса» [26].

В первой половине 90-х гг. XX в. проблема социального состава рабочих и, прежде всего, наличия в составе рабочих Урала контингента спецпереселенцев и заключенных вышла на первый план. Она поднималась на ряде научных конференций, проходивших в это время в различных городах Урала» [27]; ставилась в литературе по истории советского тоталитаризма [28]; отражалась в специальных работах [29]. Повышению интереса к проблеме использования принудительного труда в СССР способствовала широкая публикация в России произведений западных и эмигрантских авторов, которые оценивали советскую историю с позиций концепции тоталитаризма. Именно в их работах был поставлен ряд очень важных вопросов, связанных с теоретическим осмыслением проблемы использования принудительного труда в экономике страны.

Западные историки обратили внимание на массовые масштабы этого явления в советской стране. По мнению эмигрантского автора М. Геллера, весь труд в советской стране являлся принудительным. Он писал: «Период «реконструкции», как называли годы первых пятилеток и коллективизации, создает благоприятные условия для выработки советской модели народного хозяйства особым, советским отношением к труду. Гигантские армии высококвалифицированных, часто неквалифицированных рабочих (в большинстве своем вчерашних крестьян) используются для сооружения гигантских комбинатов, заводов, плотин, железных дорог. Трудовая деятельность носит преимущественно экстенсивный характер, позволяющий успешно использовать стратегию «больших батальонов»» [30].

Большинство западных авторов указывали, прежде всего, на влияние коллективизации деревни на появление огромного количества свободных рабочих рук, которые принудительно перемещались в города. Н. Верт считал, что наибольшее количество жертв деревня понесла в 1928–1931 гг., когда, по разным оценкам, было выслано из мест проживания от 250 тыс. до 1 млн семей. Он писал: «Огромное количество раскулаченных крестьян отбывало наказание на гигантских ударных стройках, где в качестве рабочей силы использовались и заключенные (Беломоро-Балтийский канал, на строительстве которого трудилось около 200 тыс. заключенных, канал им. Москвы, железная дорога Караганда-Балхаш, химический комбинат в Бе-

резняках, Куйбышевская ГЭС, новые города: Комсомольск-на-Амуре, Магадан, Норильск, Воркута и т. д.). Другие использовались в качестве рабочей силы там, где одновременно применялся свободный труд. В Магнитогорске, например, от 30 до 40% рабочих являлись приговоренными к переселению кулаками» [31]. Д. Боффа пишет о том, что совокупный итог высланных из деревни «не может не превышать — и намного — 1 млн человек; противники и критики коллективизации упоминали о нескольких миллионах, хотя и не смогли назвать более точной цифры» [32].

Западные и российские авторы писали о том, что массовое использование принудительного труда стало одним из спутников первых пятилеток. По словам О. В. Хлевнюка, сотни тысяч заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых колониях и лагерях, обеспечивали фактически бесплатно рабочей силой стройки, рудники, шахты, фабрики и даже целые крупные комбинаты. Органы НКВД фактически превратились в регулярных поставщиков как неквалифицированной, так и высококвалифицированной рабочей силы. В начале 1930-х гг. система трудовых лагерей, как оспяная сыпь, покрыла всю территорию страны, особенно европейского Севера, Урала, Сибири, Дальнего Востока [33]. Д. Хоскинг отмечал: «К концу 1930-х гг. лагеря можно было встретить во всех частях Советского Союза: зоны появились в каждом городе, даже в самой Москве» [34].

Исследователи попытались выявить начальную грань массового использования принудительного труда и дать периодизацию этого процесса в годы довоенных пятилеток. Рассмотрение этого вопроса невозможно без основательного анализа социальной политики советского государства. Д. Хоскинг считал, что уже «в декрете от 26 марта 1928 г. был поставлен вопрос о серии экономических проектов, где с целью экономии затрат предполагалось широко использовать труд лиц, осужденных в целях «социальной защиты»» [35]. Некоторые историки пришли к выводу, что начало было связано с принятием в мае 1929 г. решения Политбюро ЦК ВКП(б) о создании концлагерей и использовании заключенных для «колонизации наших северных окраин». По данным О. В. Хлевнюка, уже в 1930 г. на Урале около 20 тыс. заключенных стали строителями Вишерского бумажного и Березниковского химического комбинатов [36]. Л. И. Гвоздкова полагала, что такое мнение «вводит читателя в заблуждение». По ее словам, «карающий меч революции» в образе репрессивной политики и существования «мест не столь отдаленных» рождается значительно раньше и имеет под собой более глубинные политические, социально-экономические и духовные корни» [37].

По мнению уральских исследователей, широкий масштаб использованию принудительного труда придала именно коллективизация. А. Э. Бедель и Т. И. Славко заметили, что первая волна «раскулаченных» — спецпереселенцев пришла на Урал в 1930 г. За 1930–1931 гг. в Уральском экономическом районе были размещены около 500 тыс., т. е. более одной трети общесоюзного контингента спецпереселенцев. Далеко не все из них были трудоспособными (не более 38%). Основная масса трудоспособных крестьян закреплялась за промышленными, лесозаготовительными и строительными организациями. Прежде всего, их направляли туда, где требовался неквалифицированный труд. Историки пишут, что из 171 836 человек, занятых на производстве на 1 февраля 1932 г., 71 696 рабочих были направлены на лесозаготовки, остальные — на стройки, прежде всего, металлургических и угольных предприятий [38]. По данным башкирского исследователя Р. А. Давлетшина, подобная картина распределения спецпереселенцев была характерна и для Башкирии [39].

А. В. Бакунин подсчитал, что «общее число «раскулаченных» и высланных составило от 3, 5 до 15 млн. человек. Большинство их направляли в северные районы страны, в т. ч. Урала и Сибири, на новостройки пятилетки, в лесозаготовительную, горнодобывающую и другие отрасли индустрии» [40].

Интерес к проблеме использования принудительного труда в экономике Урала повысился на рубеже XX–XXI вв., когда стали публиковаться монографические работы [41] и был защищен ряд специальных диссертаций по истории рабочего класса Урала [42]. Тема вновь заняла подобающее место на страницах обобщающих работ по истории Урала XX в. Очень внимательно исследователи последних лет проанализировали социальный состав рабочего класса Урала в конце 1920-х–1930-е гг., используя для этого мало доступные или вообще не доступные советским исследователям материалы Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг.

При изучении данного вопроса М. А. Фельдман обратил внимание на связь развития рабочего класса Урала с социальной политикой, проводимой российским государством до и после 1917 г. Он писал: «До Октябрьской революции 1917 г. государство проводило селективную патерналистскую политику, поощряя, прежде всего, рабочих казенных горных округов. Такая политика позволяла сохранить на протяжении XVIII–начале XX вв. потомственные рабочие кадры на предприятиях военного назначения. Советская власть в годы нэпа пыталась проводить политику равных возможностей для всех трудовых коллективов. Проблема заключалась, однако, в том, что предприятия Урала были созданы в различные индустриальные эпохи, привыкли действовать по рыночным законам или вне их. В индустриальном комплексе Урала существовала обширная зона применения ручного труда — лесозаготовки для металлургии, требующая особой трудовой и финансовой политики. С учетом низкой рентабельности государственных предприятий Урала, на которых было занято 94,8% рабочих ценовой индустрии, это порождало высокую текучесть в трудовых коллективах» [43].

М. А. Фельдман, не отрицая того, что основным источником пополнения рабочих рядов в годы первой пятилетки было крестьянство, замечает, что «во второй и третьей пятилетке удельный вес сельских пополнений заметно сокращается». Автор полагает, что «во многом это объясняется скачком численности городского населения Урала в 30-е гг. Кроме того, спецпереселенцы (в основном, бывшие крестьяне) и заключенные фактически выступали в качестве конкурентов жителям села в традиционных сферах применения крестьянского труда» [44].

Значительное место в исследованиях современных авторов специально уделяется использованию принудительного труда в экономике Урала в 1930-е гг. [45]. Этому вопросу посвящаются научные конференции [46], монографические [47] и диссертационные исследования [48]. Он затрагивается в работах по истории советского тоталитаризма [49] и политических репрессий на Урале [50].

Современная литература отличается более широким спектром вопросов. В ней, в частности, ведется дискуссия о том, какие категории населения советская власть использовала в качестве принудительного труда. А. В. Бакунин и Р. Т. Москвина относятся к авторам, которые являются сторонниками расширительного толкования данного понятия. Вслед за рядом зарубежных исследователей А. В. Бакунин писал: «Милитаризация экономики и общества, как характерная черта тоталитарного режима, включала широкое использование принудительного труда не только бывших эксплуататорских классов, но и рабочих, крестьян, интеллигенции, Красной армии» [51]. По мнению Р. Т. Москвиной, «за период с конца 1920-х до середины 1960-х гг. советская власть использовала различные формы принудительной концентрации и принудительного трудового использования населения: исправительно-трудовые колонии и лагеря, тюрьмы, разного рода ссылки и спецпоселения, трудовые армии, проверочно-фильтрационные лагеря, лагеря военнопленных, бюро исправительно-трудовых работ и т. д. В 1930-е гг. это были прежде всего спецпоселения (трудпоселения), исправительно-трудовые лагеря и колонии, тюрьмы и бюро исправительно-трудовых работ» [52].

Анализ работ М. А. Фельдмана показывает, что он относит к категории лиц принудительного труда только спецпереселенцев и заключенных. В. Д. Камынин считает, что «в период индустриализации широкое распространение получил труд ссыльных крестьян, депортированных народов и заключенных лагерей и колоний» [53]. Р. С. Бикметов пишет: «Под спецконтингентом мы понимаем совокупность различных категорий репрессированного населения, насильственно вовлеченного в производственные процессы и содержавшегося на режимных условиях» [54]. А. Б. Суслов полагает, что сталинским режимом использовалась в качестве принудительного труда более широкая группа населения, которую он обозначает термином «спецконтингент». По его мнению, «спецконтингент» представлял собой особую социальную группу советского населения, в состав которой «включались различные, весьма многочисленные группы несвободного населения: заключенные, спецпереселенцы, трудармейцы, военнопленные, интернированные, узники проверочно-фильтрационных лагерей». Автор пишет: «Большая часть из них привлекалась к принудительному труду. Степень их свободы или, точнее говоря, несвободы была различной, отличались формы и методы принуждения к труду. Общей оставалась политика режима по отношению к спецконтингенту, сочетавшая изоляцию потенциально опасных, с точки зрения властей, слоев с использованием их труда для развития народного хозяйства» [55].

Современные авторы продолжили дискуссию о начале массового применения подневольного труда в экономике страны. Они еще более основательно, чем исследователи первой половины 1990-х гг., стали анализировать социальную политику советского государства. А. В. Бакунин при рассмотрении этого вопроса исходит из закона от 26 мая 1928 г., полагая, что его исполнение начинается с того, что «в июле того же года Комиссариат юстиции распорядился ввести применение принудительного труда для всех пригодных заключенных» [56]. М. А. Фельдман ссылается на решение Политбюро ЦК ВКП (б) от мая 1929 г. о создании концлагерей и использовании труда заключенных для освоения северных районов страны [57]. Р. Т. Москвина пишет: «Собственно «период ГУЛАГа» открывается Постановлением СНК СССР от 11 июля 1929 г. «Об использовании труда уголовно-заключенных» и последовавшей за этим организацией первой серии исправительно-трудовых лагерей» [58]. С этим мнением солидарен Н. А. Морозов, который считает, что именно в 1929 г. в системе лагерей и спецпоселений происходит «переход от «соловецкой» модели содержания и «трудового использования» заключенных к модели ГУЛАГа» [59].

Американский исследователь М. Малиа обращает внимание на то, что хотя система лагерей создается в СССР до Сталина, но «гигантских размеров она достигла только после 1930 г. в ходе акций против кулачества. Одновременно она стала приобретать серьезное экономическое значение по мере того, как принудительный труд стали все больше применять для разработки природных ресурсов, от заготовок леса до добычи угля, золота и алмазов в суровых условиях Севера и Сибири, где, с точки зрения режима, оплачиваемый труд обходился бы слишком дорого» [60].

Уральские историки отстаивают приоритет Урала как места, где впервые в широком масштабе началось применение принудительного труда в народнохозяйственных целях. По словам А. Б. Суслова, «в историографии устоялось мнение, что первым широкомасштабным экспериментом по использованию принудительного труда стало строительство Беломоро-Балтийского канала. Однако даже если опыты по хозяйственному использованию десятков тысяч заключенных в Коми крае в 1929 г. признать имеющими региональное значение, то все же первые эксперименты по достижению народнохозяйственного эффекта от использования труда заключенных в проектах крупного масштаба следует связывать с Пермской землей, с Вишерскими лагерями особого назначения, со строительством Вишерского ЦБК» [61].

На таких же позициях стоит и С. И. Быкова, которая пишет: «Использование труда заключенных для решения проблемы обеспечения предприятий и новостроек рабочей силой началось с 1928 г. Именно тогда появились первые лагеря на реке Вишере, где было запланировано строительство химических заводов; в 1929 г. на реке Каме возникли новые лагеря — там закладывались основы великих строек первой пятилетки — гигантских комбинатов в Соликамске и Березниках. Согласно постановлению СНК СССР «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном, Сибирском краях и Уральской области» (август 1930 г.) труд ссыльных и заключенных стал использоваться постоянно» [62].

Современные исследователи попытались разобраться в причинах широкого использования принудительного труда в советской экономике. По нашему мнению, выделение тех или иных причин полностью зависит от идеологической позиции авторов. По мнению А. В. Бакунина, применяющего к оценке советской истории тоталитарную концепцию, причины были заложены в природе самого советского строя, который не мог обходиться без постоянного аппарата принуждения [63]. С. И. Быкова полагает, что «создание системы исправительно-трудовых лагерей, колоний и спецпоселений явилось символом бесчеловечности и беззакония советского государства, так как основной контингент этих особых мест заключения составляли невинные люди, трудом и жизнями которых были оплачены индустриальные победы 1930-х гг.» [64].

М. А. Фельдман, отстаивающий модернизационную концепцию советской истории, видит эти причины в характере той политики, которую Сталин проводил в 1930-е гг. Он пишет: «Несоответствие замысла индустриального рывка и его социально-экономического обоснования; сохранение низкого уровня механизации лесных и горнодобывающих работ побудило Сталина и его окружение найти выход в массовом использовании принудительного труда. В принципе — это было повторение опыта Первой мировой войны. Существовали, однако, два отличия: подобный прецедент проводился не в военное, а в мирное время и не на основе использования труда военнопленных, а за счет собственного народа. Кроме того, бегство и освобождение спецпереселенцев вело к насыщению трудовых коллективов Урала категорией бесправных людей, готовых к работе в наиболее трудоемких производствах» [65].

В современной литературе существуют различные мнения о масштабах использовании принудительного труда на промышленных предприятиях Урала. При этом нужно учитывать то, что часто исследователи говорят о различных категориях, которые подпадают под понятие «лиц принудительного труда». А. В. Бакунин и Р. Т. Москвина полагают, что на Урале из 8 млн. населения было репрессировано 800 тыс. человек или 10% [66].

А. В. Бакунин, С. И. Быкова и А. Б. Суслов пишут о постоянном увеличении удельного веса заключенных в составе принудительного труда в экономике Урала в 1930-е гг. По данным А. В. Бакунина, «если в 1929 г. количество приговоренных к принудительным работам составило 14,3% от числа всех заключенных, то в 1932 г. — 58%. В последующий период принудительный труд среди заключенных возрастает» [67]. А. Б. Суслов считает, что масштаб использования труда заключенных уже в конце 1920-х гг. был гораздо большим. По его данным, на территории Пермской области в 1929 г. на различных работах использовались 79,1% заключенных (в 1928 г. — 68,4%) [68].

С. И. Быкова привела данные, характеризующие размещение заключенных в различных регионах Урала. Она пишет: «Из 250 лагерей, существовавших тогда в стране, 35 находились на территории областей и республик Уральского региона. В Свердловской области функционировало 7 лагерных систем (самыми крупными были Ивдельлаг, Тагиллаг, Богословлаг), в Пермской области уже в середине 1930-х гг. десятки ла-

герей были объединены в управление Вишлаг, Соликамсклаг, Усольлаг, Молотовстрой» [69]. По подсчетам В. Д. Камынина, к началу 1940-х гг. на Урале насчитывалось 33 лагерные системы, заключенные которых работали на строительстве заводов, в горнодобывающей, лесозаготовительной и других отраслях народного хозяйства [70]. А. В. Бакунин подсчитал, что «в результате массовых репрессий в 30-е гг. число заключенных на Урале по неполным данным в 1938 г. составило 330 тыс. человек» [71].

С. И. Быкова и Т. И. Славко проанализировали масштабы использования в экономике Урала труда спецпереселенцев. С. И. Быкова пишет: «На уральские промышленные предприятия и стройки были направлены 530,2 тыс. чел., расселяли спецпереселенцев в отдельных поселках под управлением комендантов. Если учесть, что рабочий класс региона насчитывал 2 133 тыс. чел., то удельный вес репрессированных в его составе равнялся 20–25%. Наибольший процент от общего числа занятых в производстве края ссыльных составили рабочие лесной промышленности — от 50 до 90% в разных районах Урала» [72]. По данным Т. И. Славко, к середине 30-х гг. спецпереселенцы (с 1934 г. — трудпоселенцы) на промышленных предприятиях составляли от 40 до 80% трудовых коллективов [73].

М. А. Фельдман считает эти цифры завышенными. Исследователь попытался дифференцированно подойти к рассмотрению вопроса об использовании труда спецпереселенцев и заключенных в цензовой промышленности и в народном хозяйстве Урала в целом. Проанализировав данные о размещении спецпереселенцев на Урале, введенные в научный оборот еще советскими исследователями, а также историками первой половины 1990-х гг., автор подчеркивает, что «основная масса спецпереселенцев в годы первой пятилетки на Урале трудилась на строительстве, лесозаготовках, но не на самих предприятиях цензовой промышленности» [74]. Ученый полагает, что хотя в дальнейшем «ввод в строй промышленных объектов поменял структуру размещения спецпереселенцев: две трети из них были заняты в промышленности, в основном во вспомогательных и строительных отделах предприятий», тем не менее, лишь незначительная их часть была занята непосредственно в заводских цехах. На основании своих наблюдений М. А. Фельдман пришел к выводу, что «говорить о значительном использовании принудительного труда в промышленности Урала можно применительно к лесной, горнорудной и угольной промышленности, и, как исключение — во вспомогательных и строительных отделах заводов (Уфимский моторный, Уралвагонзавод, Магнитка)» [75]. Л. М. Батенев считает, что в горных отраслях Урала в 1930-е гг. численность трудпоселенцев не превышала 40–50 тыс. чел. [76].

А. В. Бакунин показал изменение динамики численности спецпереселенцев в 1930-е гг. на примере Челябинской области. Он писал: «Основная их масса на стройки промышленных предприятий, в леспромхозы, в сельское хозяйство прибыла в годы первой пятилетки и на 1 января 1930 г. составляла 51 387 человек. В последующие годы их рост продолжался в ограниченных количествах и на 1 января 1940 г. составил 54 940 человек. При этом с 1934 по 1939 г. родилось 1 768, умерло 2 723, сбежало 3 442 и восстановлено в правах около 5 тыс. человек» [77]. По данным В. Н. Земскова, только за 1932–1933 гг. на Урале умерло около 83,7 тыс. ссыльных, бежало из мест лишения свободы около 153 тыс. [78].

М. А. Фельдман считает, что «во второй половине 30-х гг. структура принудительного труда меняется: заключенные догоняют, а с 1939 г. обгоняют по численности спецпереселенцев». Его подсчеты показывают, что в годы третьей пятилетки численность спецпереселенцев и заключенных составила в среднем примерно равную величину по 200–250 тыс. человек [79]. Эти данные совпадают со сведениями В. Н. Земскова, который полагает, что к 1938 г. число кулацких поселков на Урале сократилось до 336, а численность трудпоселенцев — до 264, 5 тыс. чел. [80].

Таким образом, изучение литературы, в которой анализируется проблема использования принудительного труда в экономике Урала, позволило автору статьи прийти к ряду выводов. Во-первых, современные исследователи справедливо полагают, что появление принудительного труда стала следствием целенаправленной социальной политики советского государства. М. А. Фельдман, внимательно изучив политику государства в этой области, пишет: «Государство выстроило сложную иерархию в рабочем социуме по этакратическому принципу, т. е. разделило рабочих на социальные группы в зависимости от политической лояльности режиму, социального происхождения, места проживания». На полюсах рабочего социума Урала автор выделяет привилегированный слой (около 5%) рабочих-стахановцев или рабочих-партийцев и многочисленный (до 17%) слой лиц принудительного труда [81].

Во-вторых, современным исследователям проблемы удалось определить статус достаточно большой категории общества, которая подпадает под понятие «принудительный труд». А. Б. Суслов замечает, что «спецконтингент, включающий ряд категорий несвободного населения, которые, в свою очередь, также не были однородны, приобретает черты особой социальной группы, из которых главными стали ограничение свободы (в той или иной степени) и принуждение к труду. Мы можем назвать эту группу маргинальной, можем представить ее как конгломерат составляющих ее подгрупп, однако отмеченные общие черты характерны для нее в целом» [82].

В-третьих, тем самым современные исследователи опровергли тезис советской историографии о формировании к концу 1930-х гг. социалистического рабочего класса. М. А. Фельдман делает вывод о том, что «на Урале, как думается и в целом по СССР, возник не тот рабочий класс, на который рассчитывали лидеры СССР. В своей массе рабочие крупной промышленности Урала оказались вне принадлежности к Коммунистической партии. Вне атеизма, по сути, ставшего государственной идеологией. Вне самого понятия «социалистический рабочий», т. к. упорно держались за личную собственность в городских поселениях, либо сохраняя связь с имуществом родни в деревне» [83].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История внешней политики СССР. 1917–1976: В 2 т. М., 1976. Т. 1. 1917–1945 гг. С. 261–262.
2. Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском районе Урала. 1920-е–начало 50-х гг. Нижний Тагил, 1996. Ч. 1: Репрессии 20-30-х гг. С. 5.
3. См.: Кириллов В. М. Историография истории репрессий в СССР и на Урале (1918–1990 гг.) // Власть и общество. Нижний Тагил, 1996; Суслов А. Б. Проблема принудительного труда в современной исторической литературе // Проблемы исторического и обществоведческого образования в системе «школа-вуз». Пермь, 1998.
4. Советский энциклопедический словарь. М., 1984. 3-е изд. С. 1057.
5. Адамов В. В. К истории формирования социалистического рабочего класса на Урале // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963. Вып. 4. С. 82.
6. Там же. С. 90, 91.
7. Щербакова Н. М. Рабочий класс Урала в годы первой пятилетки // Рабочий класс Урала в период строительства социализма. Свердловск, 1982. С. 49.
8. См.: Щербакова Н. М. Вопросы численности и состава рабочего класса Урала в исторической литературе // Историография социалистического строительства на Урале в переходный период (1917–1937). Свердловск, 1980. С. 105.
9. Бакунин А. В. Количественные и качественные изменения в составе рабочего класса Урала // Рабочий класс Урала в период строительства социализма. Свердловск, 1982. С. 63, 68.
10. См.: Бакунин А. В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933–1937). Свердловск, 1968. С. 147.
11. Камынин В. Д. Советская историография рабочих Урала в 1917–30-х гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Свердловск, 1990. С. 30–31.

12. Бехтерева Л. Н. Рабочий класс 1920-х гг. : итоги и перспективы изучения // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX–XXI столетия. Екатеринбург, 2000. С. 56.

13. См.: Чернокрылова Е. Н. Источники и формы пополнения рабочих Урала в период индустриализации (1926–1932) // Формирование и становление советского рабочего класса на Урале. Свердловск, 1989; Она же. Количественные и качественные изменения в составе рабочих Урала в период индустриализации. 1926–1932 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1988.

14. См.: Постников С. П. Что произошло с рабочим классом на рубеже 20–30-х гг. // Политическая агитация. 1990. № 23–24; Он же. «Великий перелом» и процесс «разрабочивания» рабочих Урала // Советское общество: прошлое, настоящее, будущее. Челябинск, 1991. Ч. 1; Бакулин В. И., Лейбович О. Л. Рабочие, «спецы», партийцы (о социальных истоках «великого перелома») // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 6.

15. См.: Земсков В. Н. Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социс. 1991. № 2; Он же. ГУЛАГ: Историко-социологический аспект // Там же. № 6, 7; Он же «Кулацкая ссылка» в 30-е гг. // Там же. № 10; Он же. Спецпоселенцы // Там же. № 11; Он же. Заключение, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы и высланные: Статистико-географический аспект // История СССР. 1991. № 5.

16. См.: Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991.

17. См.: Лацис О. Р. Перелом // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 69.

18. Актуальные задачи изучения советского рабочего класса // Вопр. истории. 1988. № 1. С. 22.

19. Там же. С. 7–8.

20. Там же. С. 9.

21. Ципко А. С. О зонах, закрытых для мысли // Суровая драма народа. С. 240.

22. Постников С. П. Партийное руководство подготовкой рабочих кадров на Урале (1920–1930-е гг.). Свердловск, 1990. С. 54.

23. См.: Постников С. П. Спецпереселенцы на Урале // Депутатский вестник. 1991. № 3

24. Бехтерева Л. Н. Рабочий класс 1920-х гг. : итоги и перспективы изучения. С. 56–57.

25. Постников С. П. Партийное руководство подготовкой рабочих кадров на Урале (1920–1930-е гг.). С. 54.

26. Камынин В. Д. Советская историография рабочих Урала в 1917–30-х гг. С. 31.

27. См.: От тоталитаризма к свободе: взгляды историка. Челябинск, 1992. Ч. 1; Демократия и тоталитаризм. Екатеринбург, 1993; История репрессий на Урале в годы Советской власти. Екатеринбург, 1994; Тоталитаризм и личность. Пермь, 1994; Тоталитаризм и сопротивление. Пермь, 1994.

28. См.: Бакунин А. В. Формирование тоталитаризма в СССР в 30-е гг. // От тоталитаризма к свободе; Он же. Советский тоталитаризм: генезис, эволюция, крушение. Екатеринбург, 1993; Он же. Генезис и этапы формирования тоталитаризма в России // Исторический опыт освоения восточных районов России. Владивосток, 1993; Он же. Генезис и этапы формирования тоталитаризма в СССР // Вопросы истории: прошлое, настоящее, будущее. Челябинск, 1993. Ч. 2; Он же. Генезис советского тоталитаризма // Урал. ист. вестник. Екатеринбург, 1994. Вып. 1; Он же. Репрессивная политика сталинского тоталитарного режима // История репрессий на Урале в годы Советской власти; Он же. Эволюция и основные этапы советского тоталитаризма // Тоталитаризм и личность.

29. См.: Бебель А. Э., Славко Т. И. Из истории раскулаченных спецпереселенцев на Урале в первой половине 30-х гг. // Раскулаченные спецпереселенцы на Урале в 1930–1936 гг. Екатеринбург, 1993; Шмакова Н. П. К вопросу о спецпереселенцах на Урале в 30-е гг. // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. 1. История. 1994. № 1; Плотников И. Е. Ссылка крестьян на Урал в 1930-е гг. // Отеч. история. 1995. № 1; Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале (1930–1936). М., 1995.

30. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994. С. 133.

31. Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 232.

32. Боффа Д. История Советского Союза: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 371.

33. См.: Хлевнюк О. В. Принудительный труд в экономике СССР (1920-е–1941) // Человек и экономика. 1993. № 1. С. 30–33.

34. Хоскинг Д. История Советского Союза. 1917–1991. М., 1994. С. 204.
35. Там же. С. 202.
36. Хлевнюк О. В. Принудительный труд в экономике СССР // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 74–75.
37. Гвоздкова Л. И. Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30-50-е гг.): В 2 т. Кемерово, 1994. Т. 1. С. 6.
38. Бедель А. Э., Славко Т. И. Из истории раскулаченных спецпереселенцев на Урале в первой половине 30-х гг. С. 11, 14, 22, 79, 104.
39. См.: Давлетшин Р. А. Условия жизни и судьба спецпереселенцев в Башкирской АССР // История репрессий на Урале в годы Советской власти. С. 102–104.
40. Бакунин А. В. Советский тоталитаризм. С. 63.
41. См.: Бехтерева Л. Н. Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 1920-е гг. Ижевск, 1999; Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. (численность, состав, социальный облик). Екатеринбург, 2001.
42. См.: Бехтерева Л. Н. Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 20-е гг. (количественные и качественные характеристики): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1998; Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. (численность, состав, социальный облик): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2001.
43. Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. С. 168–169.
44. Там же. С. 238.
45. См.: Бакунин А. В. Индустриализация и проблема принудительного труда // Урал индустриальный. 1997. Екатеринбург, 1998; Вольхин А. И. Роль органов госбезопасности в реализации спецпоселенческой политики Советского государства в 1930–40-х гг. (на материалах Урала и Сибири) // Урал в прошлом и настоящем. Ч. 1; Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953) // Годы террора. Пермь, 1998; Он же. Спецконтингент советского тоталитарного общества: некоторые особенности социального и правового статуса (на примере Пермской области) // Права человека в России: прошлое и настоящее. Пермь, 1999; Он же. Идеологический контроль и идеологическая обработка спецконтингента в 30-х–начале 40-х гг. (на примере Пермской области) // Проблема создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий в пределах СССР. Нижний Тагил, 2000; Он же. Проблема эффективности принудительного труда в СССР (1929–1953 гг.): на материалах Урала // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002.
46. См.: История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. Нижний Тагил, 1997.
47. См.: Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском районе Урала. 1920-е — начало 50-х гг. Ч. 1; Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Екатеринбург; Пермь, 2003.
48. См.: Кириллов В. М. История репрессий на Урале. 1920-е — начало 50-х гг. (на материалах Нижнетагильского региона): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1996.
49. См.: Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Екатеринбург, 1996. Кн. 1: Генезис; 1997. Кн. 2: Апогей; Он же. Сталинская модернизация Урала // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998. Ч. 1.
50. См.: Бакунин А. В. Репрессии // Урал. ист. энциклопедия. Екатеринбург, 1998; Суслов А. Б. К вопросу о подсчетах жертв политических репрессий в Пермской области (1929–1953 гг.) // Политические репрессии в истории России. Пермь, 2000.
51. Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Кн. 2. С. 185.
52. Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 222.
53. История Урала: XX век. Екатеринбург, 1998. С. 131.
54. Бикметов Р. С. Спецконтингент в угольной промышленности Кузбасса в 1930-е–середина 1950-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2000. С. 18.
55. Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). С. 3.
56. Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Кн. 2. С. 185.
57. Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. С. 239.
58. Урал в панораме XX века. С. 223.
59. Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 5.
60. Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М., 2002. С. 283.

61. Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). С. 64.
62. Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Екатеринбург, 2000. С. 93.
63. Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Кн. 2. С. 185.
64. Урал: век двадцатый. С. 93.
65. Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. С. 241.
66. См.: Бакунин А. В. Репрессии. С. 443; Урал в панораме XX века. С. 222.
67. Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Кн. 2. С. 185.
68. Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). С. 66.
69. Урал: век двадцатый. С. 93.
70. См.: История Урала: XX век. С. 131–132.
71. Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Кн. 2. С. 191.
72. Урал: век двадцатый. С. 94.
73. Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале (1930–1936). С. 124.
74. Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. С. 239.
75. Там же. С. 240.
76. См.: Батенев Л. М. Горный Урал в российской истории. Екатеринбург, 2003. С. 60.
77. Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Кн. 2. С. 189.
78. См.: Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954) // Отеч. история. 1994. № 1. С. 123.
79. Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. С. 239.
80. См.: Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954). С. 126.
81. Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. С. 338.
82. Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). С. 292.
83. Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. С. 338.

Игорь Николаевич ДОБРЫНИН —
начальник отдела анализа
политико-правовых вопросов
Представительства Ханты-Мансийского
автономного округа

УДК 316.3:330.12

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМА БЛАГОСОСТОЯНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье проблема благосостояния раскрывается через анализ социальных структур общества. При этом акцент делается на характеристике социальных общностей (народ, класс, нация, семья) как центральном звене социальной сферы.

The author analyzing social structures tackles the issues of wellbeing and focuses upon major characteristics of social communities, such as people, class, nation, family as central components of social sphere.

Всесторонне раскрыть проблему благосостояния невозможно без анализа социальной сферы. Это связано с тем, что общество представляет собой не простую сумму отдельных индивидов, а совокупность определенных общностей, которые, имея специфические особенности, находятся между собой и обществом в разнообразных соотношениях. Поэтому социальное благосостояние оказывается в первую очередь характеристикой общественного, а не индивидуального бытия, оно есть достояние социальных общностей и результат коллективных усилий поколений настоящих и прошлых.